

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34

Научная статья

© А. П. Конкка

ФЕНОМЕН КАРСИККО-ЗАЛАЗИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Русский Север, как известно, впитал в себя самые разнообразные элементы финно-угорских языков, материальной культуры, обрядности, верований и представлений об окружающем мире. В этом нет ничего удивительного, так как, если посмотреть на карту Евразии, можно увидеть, что Русский Север — это узкая полоса, вклинивающаяся в огромные пространства финно-угорского севера от Норвегии и Северной Швеции до Уральских гор и далее глубоко в Сибирь. Если же взять только Север Европейской части России, то картина будет совершенно иной: территория, называемая сегодня Русским Севером, простирается с запада на восток примерно на тысячу километров.

Одним из интереснейших феноменов севернорусской культуры, уходящим своими корнями в глубокую древность, является дерево-знак (в Архангельской и Вологодской областях его называли залазь — от глагола «залазить», в данном случае — на дерево, тогда как идентичное явление у карел и финнов называлось «карсикко», от глагола *karsia* — «обрубить ветки» или карзать — слово, употреблявшееся во многих севернорусских говорах. Залазь известна в разных местностях и встречается в промысловой практике, в похоронном, свадебном и рекрутском обрядах и т. д. Многие заветные роци и отдельные почитаемые деревья также были залазьями-карсикко. Географически явление охватывает всю территорию Русского Севера от Карельского берега Белого моря до архангельского Лешуконья на границе с Республикой Коми (см. Конкка 2013). Если же говорить обо всем Севере и примыкающих к нему местностях, где зафиксировано явление дерева-знака, то начинаясь в Северной Норвегии (Финнмаркен) и Центральной и Северной Швеции, она простирается через Восточную Европу и Поволжье в Сибирь до Якутии и далее зафиксирована в Северной Америке у ряда племен.

Ключевые слова: карсикко и залазь, формы и функции деревьев-знаков, Северная Европа, финно-угры, севернорусская культура, происхождение севернорусского населения

Ссылка при цитировании: Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34

Original article

© *Aleksi Konkka*

THE PHENOMENON OF KARSIKKO-ZALAZI IN THE RUSSIAN NORTH

The Russian North, as it is known, has absorbed a wide variety of elements of Finno-Ugric languages, material culture, rituals, beliefs and perceptions of the world around it. There is nothing surprising here, since if we look at the map of Eurasia we will see that the Russian North is a narrow strip wedged into the vast expanse of the Finno-Ugric north from Norway and Northern Sweden to the Ural Mountains and deep into Siberia. But this is a global view. If we consider only the north of the European part of Russia, the picture will be quite different, since the territory called today the Russian North extends from west to east for about a thousand kilometers. So it all depends on the perspective.

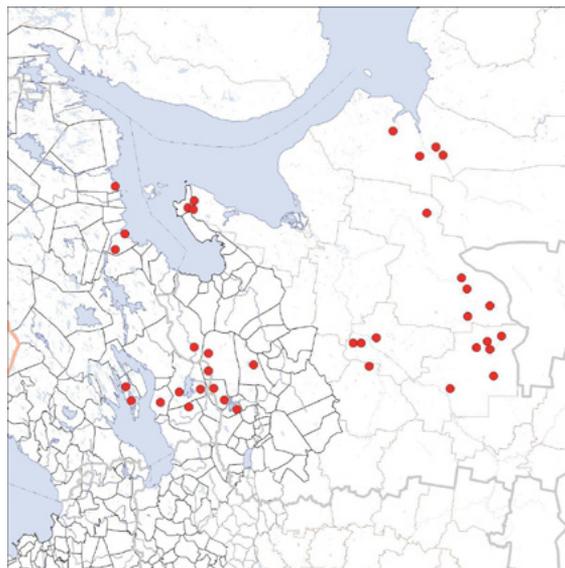
One of the most interesting phenomena of Northern Russian culture, which has ancient roots, is the sign tree (called 'zalaz' in Arkhangelsk and Vologda regions, from the verb 'to climb', while an identical phenomenon in Karelian and Finnish was called 'karsikko', from the verb 'karsia' — 'to cut off branches' or 'karzat' — the word used in many Northern Russian accents. Zalaz is known in various localities in fishing practices, in funeral, wedding, and recruitment ceremonies, etc. Many cherished groves and individual revered trees were also zalazi-karsikko. Geographically, the phenomenon covers the entire territory of the Russian North from the Karelian coast of the White Sea to the Arkhangelsk Leshukonye on the border with the Komi Republic (see Konkka 2013). Speaking about the whole territory in the North and adjacent areas where the sign tree phenomenon has been observed, it starts in Northern Norway (Finnmarken) and Central and Northern Sweden and extends through Eastern Europe and the Volga region to Siberia to Yakutia and further to North America among a number of tribes.

Keywords: *karsikko and zalaz, forms and functions of sign trees, Northern Europe, Finno-Ugric, northern Russian culture, the origin of the Northern Russian population*

Author Info: **Konkka, Aleksi P.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: alekkonkka@outlook.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6837-5656>

For Citation: Konkka, A. P. 2023. The Phenomenon of Karsikko-Zalazi in the Russian North. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 22–34.

Обратимся к лингвистическим материалам (*Карта 1*). На составленной языковедом Е. В. Захаровой карте (*Захарова 2015: 29*) ареала топоосновы Залаз-/Залоз- в Карелии и в Архангельской области, основа Залаз- широко представлена в топонимии

Карта 1.
Лингвистическая карта Е. В. Захаровой.

северных и центральных районов Архангельской области, причем на значительно более обширной территории, чем в собственно лексическом употреблении, как считает топонимист Ирма Муллонен. Русские говоры Карелии этой лексемы не знают. Но сами топонимы с основой залаз-/залоз- фиксируются на территории русских говоров в восточной Карелии — в Поморье, Пудожье и частично в Заонежье: это — Залазное озеро, Залазной мох, Залазная корга, Залазной мыс, Залазной остров, Залозное поле и др. Итак, крайняя точка бытования топонима на западе — карельское Заонежье, затем он фиксируется в Пудожье и на большей части Архангельской области, и доходит (это уже вне этой карты) до бассейна

реки Печора (в Предуралье) на территории Коми республики на востоке, где есть, по данным Водного реестра, по крайней мере, три Залазных реки. Интересно, что одну реку архангельские переселенцы называли Залазной и в Сибири — это правый приток Ангары в 58 км от ее устья.

Что же касается непосредственных значений слова *залазь*, зафиксированных словарями архангельских и вологодских говоров, а также русских говоров Карелии, то они сводятся к следующему:

1. Высокое дерево с обрубленными известным образом, для приметы местности, сучьями у вершины; верхушка дерева с оставленными ветвями, между тем как на остальной части дерева все ветви обрублены; такие залази делают лесовщики на тех деревьях, под которыми разводят огонь (Мезень) (*Подвысоцкий* 1885). То же самое дерево с обрубленными сучьями для приметы местности отмечено в словаре Дилакторского и в современных словарях вологодских говоров (в Вологодском, Никольском и Кадниковском уездах).

2. Затесь или зарубка на дереве (Пинега, Мезень).

3. Обломанный или обрубленный ряд ветвей у верхушки ели для приметы места (Архангельская обл., Вологодская обл., Колыма, Якутия) (СРНГ: 1974: 192).

Доказательством того, что слово и понятие *залазь* (здесь в форме *зала́за*) было давно известно на Севере, являются Акты Соловецкого монастыря 1565 г., выдержку из которых читаем в Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII веков: *Да к той же мельници дали... под двор земли... от реки от бошого камня на смоляную яму, да от ямы на еловую залазу, да от еловой залазы на сосновую залазу к пономареву двору* (СПЛСР 2003). Таким образом здесь мы видим *залазь* в функции знака границы территории.

В «Словаре русских говоров Карелии» имеется лексема *Залазна* или *зало́зно* — сбор денег в шапку по кругу во время свадьбы. *Залазна* — это деньги собирали,

гости сидят все, по гостям ходят с шапкой (Заонежье). Там же — выкуп за невесту. На свадьбе *завсегда залозну собирали. Мужики, говорит, кашу ели, залозно пили...* (СРГК 1995: 147).

Интересно, что сбор денег на *залозну*, поедание молодыми каши и чествование их вином сравнимо с карельским обрядом свадебного карсикко, когда *по первому варианту* на второй день свадьбы в доме жениха кто-то из его родственников обрубал ветки ели на опушке леса и делал карсикко невесты, после чего это было так называемым «невестиным деревом», деревом-двойником, с которым у молодухи была тесная связь — по состоянию дерева определяли здоровье и благополучие человека и наоборот. Обрубленные же ветки ели приносили в подол молодой, говоря при этом: «Половина мальчики, половина — девочки». Невеста одаривала сделавшего карсикко каким-либо ценным подарком — платком, кольцом или даже часами. *Второй вариант* состоял в том, что молодуха, которая впервые выходила на работу на родовой территории мужа (сенокос, рыбная ловля и т. д.) была обязана выставить угощение — как правило, это была каша или в иных местах выпивка, за что / после чего кто-то из присутствующих делал для молодой карсикко, как правило, залезал на дерево и обрубал ветки около вершины.

Двигаясь на восток, мы встречаем свадебное карсикко на Мезени, обряд вырубания которого там называли «новизно»: «...Молодуха, — пишет Светлана Дмитриева, — начинавшая новую жизнь в семье мужа, выезжая первый раз на работу в поле, должна была устроить угощение другим женщинам и мужчинам, выехавшим вместе с ней. В селах Лешуконского района выделяется такой характерный элемент этого обряда: в честь молодой делали „залазь“ — срубали у ели несколько ветвей, недалеко от ее вершины. И сейчас, проезжая по Мезени, можно видеть затесанные таким образом ели, иногда по две-три подряд. Этот обычай был присущ русским среднего течения Мезени» (Дмитриева 1988: 33).

Помимо карзанья ели на сенокосе для невесты, посвящая ее таким образом в замужние женщины, *навизну* иногда делали и после рождения сына, добавляет Наталья Дранникова, вспоминая свои записи из Юоры Лешуконского района (устное сообщение Н. В. Дранниковой).

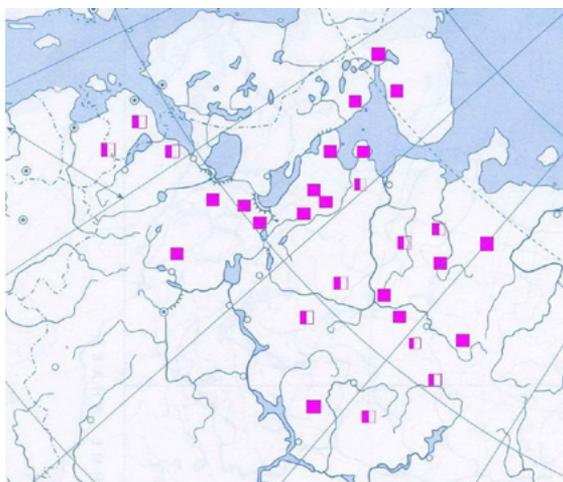
И, наконец, в Словаре говоров русского Севера (выпускаемом в Екатеринбурге) в словарной статье «Делать залазь», читаем: «В обряде «обновления» территории: приехав на новое место, впервые придя на покос и т. п., новичок должен подать сопровождающим выпивку, а тот, кому он подаст, в ответ «делает ему залазь»: залезает на вершину высокой ели и обрубают сучья. *Если новый — стопку-то поставь; ты подаешь вино, новишню-то, а я делаю залазь; на елку-то лезу, ты внизу стоишь, команды даешь. Бригада выехала в поле, кто не бывал — ставят новичную, а я делаю залазь тебе: залезу на елку, шейку окарзаю* (Архангельское Лешуконье) (СГРС 2009: 111).

Несмотря на сходство терминов *новизно-новишня* и похожих условий — обряд совершался по поводу неопита, появления в данной местности «новичка», каковым являлась и молодуха, здесь речь может идти о другой, более общей охранительной функции *залази*, объединяющей эти действия с действиями тех самых лесовщиков (рыболовов и охотников), о которых шла речь выше. Они делали *залазь* из того дерева, под которым разводили огонь и где часто оставались с ночевкой. Здесь ключевыми являются слова «приезжая на новое место». В Северной Финляндии прибывший в незнакомую местность в лесу прежде всего делает себе ель-карсикко. Ель называ-

ется *hurtti*, а впервые прибывший — *hurrikas*. Одно из значений этого слова — чужак. Для такого же чужака, но в данном случае гостя, который мог быть и дальним родственником, впервые посещающего эти места, принимающие его хозяева вырубали карсикко. Верхушку дерева оставляли нетронутой, могли также оставить и ветку пониже, которая указывала направление, откуда прибыл гость. Карсикко, помимо связанного с промысловой удачей, по карельским и финским материалам делают или в определенный момент переходного обряда, например, свадебного, который можно обозначить как кризисный или для человека, находящегося в чужой местности. В обоих случаях это ситуация индивида, лишённого защиты своих (родовых) духов-охранителей. Процесс же вырубания карсикко, в том числе личного дерева, связанного с жизнью и здоровьем невесты или другого неопита, представляется как процесс сотворения отсутствующего духа-покровителя, которое охраняет не только неопита, но и защищает коллектив от негативного воздействия самого чужака, то есть процесс является оберегательным обоюдно.

Продолжая экскурс в северные леса, отметим, что полевые материалы дают гораздо большую парадигму значений и функций *залази*, нежели дошедшие до нас лингвистические данные. Для начала, однако, презентуем *карту-схему*, на которую нанесены имеющиеся у меня на данном этапе сведения по распространению карсикко-залази на территории Европейской части России, исключая территорию, заселенную карелами, так как ее и большую часть Финляндии пришлось бы закрашивать практически целиком (Карта 2). Кроме того, на долю Норвегии и Швеции пришлось бы немалое количество знаков. На этой же карте-схеме обозначены как места непосредственных экспедиций, так и сведения в виде фотографий объектов, сделанные по моей просьбе корреспондентами. Также использована некоторая часть литературных источников и фото из интернета (квадраты, закрашенные наполовину). Один знак может обозначать десять или гораздо большее число объектов, например, одна экспедиция в Котласский район в 2007 г. (один квадрат) выявила около 450 деревьев-знаков (ПМА 2007).

На карте много обозначений сгруппировано на западе региона. Это Кандалакшский и Терский районы Мурманской области, Карельское Поморье, Пудожье и запад Архангельской и Вологодской областей, восток Ленинградской и центр Тверской областей, где проживают карелы, а в Ленинградской области также и вепсы. Это вполне естественно, ибо я продвигался в 1990-е гг. с запада на восток, непосредственно после экспедиций в Северную Финляндию и Норвегию в 1996 и 1997 гг. Сразу после этого началось мое личное открытие и освоение Великой Восточной тайги. Началось все с Пудожья, а конкретнее, с Водлозерья, куда мы с Константином

Карта 2.

Карсикко-залази на севере Европейской части России. Составлено автором.

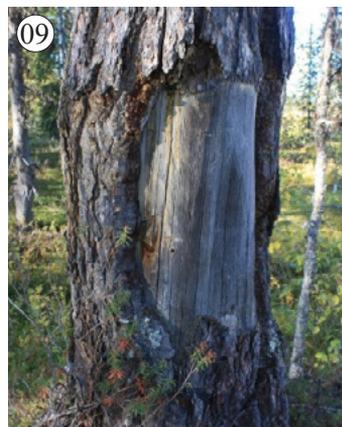
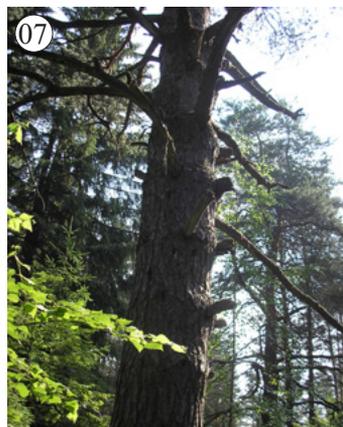
Логиновым отправились в 1998 г. Мы тогда проводили исследования на Колгострове, в устье Илексы, на карельской стороне в бывшей деревне Калакунда и совершили марш-бросок на архангельскую сторону в бывшую деревню Луза. Результаты той первой поездки в Водлозерский национальный парк превзошли все ожидания. Картина была феерическая: карсикко были везде — на порогах, вдоль лесных троп, вокруг деревень, на рыбных тонях, они стояли на границах лесных угодий, на кладбищах и по дороге к ним, а самое первое («заветная» сосна) находилось сразу при въезде в Куганаволок — типичное придорожное карсикко на краю поселения с обрубленными ветвями и глубокими зарубками на стволе, в которые отправлявшиеся в дальнюю дорогу жители Куганаволока вставляли свечи. Также они оставляли у корней сосны монеты, вбивали в кору гвозди, а ствол опоясывали жертвенными полотенцами и лоскутами материи. Именно экспедиция 1998 г. стала началом того действительно широкомасштабного исследования, которое было развернуто в последующие годы в восточном и северном направлениях. Позднее состоялись поездки на Лёкшмозеро и Кенозеро, на Вытегорщину и Белозерье, на Северную Двину, Виледь, Мезень и Вычегду. Водлозерский материал помог осмыслению функции карсикко как инструмента освоения окружающего пространства в полевых исследованиях на р. Кемь, берегах Белого моря, у коми-зырян и марийцев.

Рассказ о карсикко невозможен без видеоряда, в котором я по мере возможностей журнальной публикации постарался представить все основные формы залазей-карсикко из разных местностей Русского Севера.

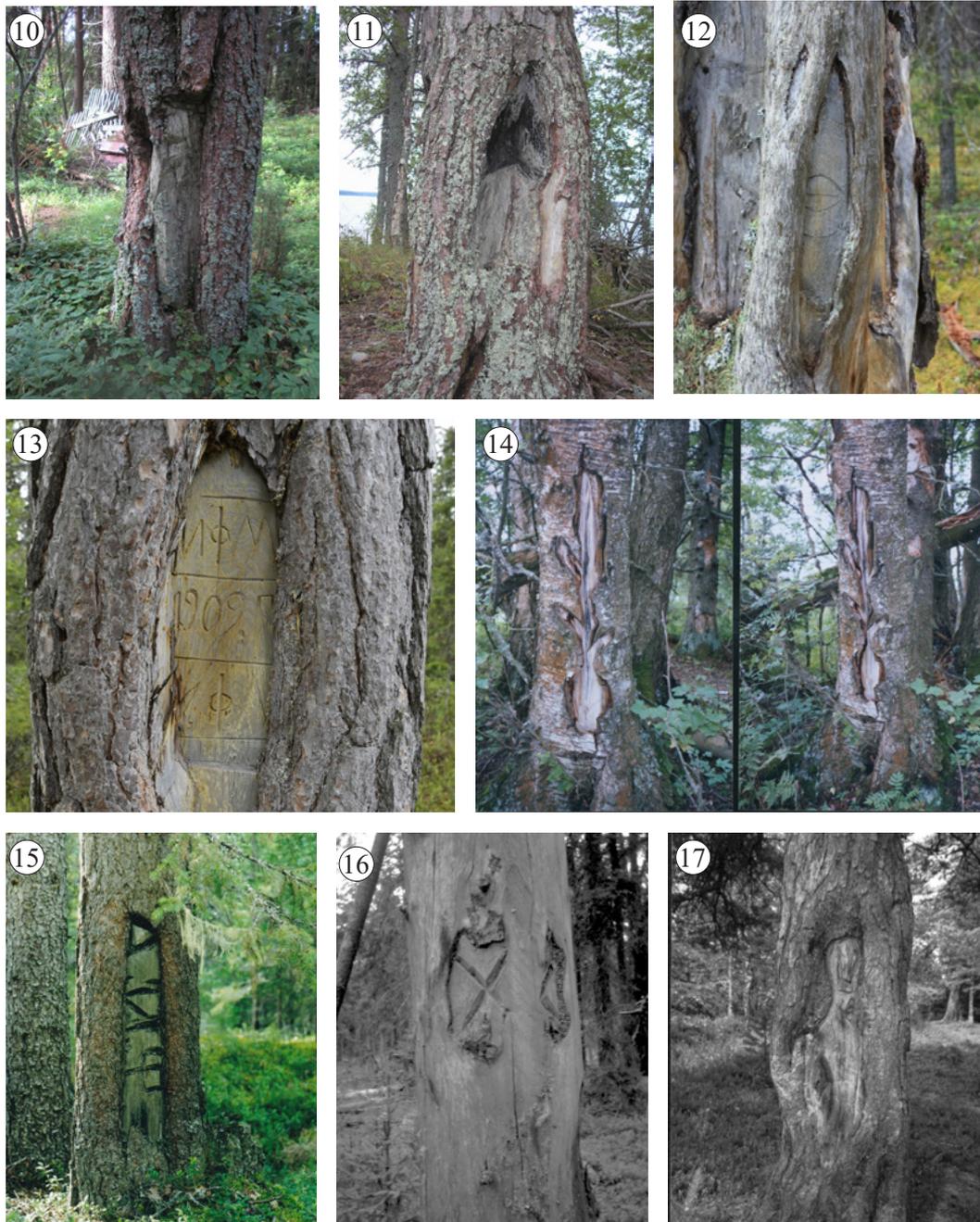
На фото (см. стр. 28–28) представлены основные формы карсикко-залази. Здесь и обрубание вершин, окорение (высушивание) вершин и стволов деревьев, обрубание ветвей, различные формы затесов и зарубок на стволах, родовые клейма и другие знаки, в том числе антропоморфные изображения, по карельским материалам несущие те же функции карсикко.

Что касается функций, то мы, вероятно, просто всего не знаем, слишком поздно стали изучать, многое древнее знание уже ушло в небытие. Однако можно сказать, что залазь сохранилась в промысловой практике и в похоронном обряде практически повсеместно, очень популярны родовые или семейные знаки, которые вырезаются на затесе сосны, многие из которых похожи на инициалы или и есть инициалы оставившего их. На востоке сохранились воспоминания о свадебной залази, на западе, в Северном Белозерье, зафиксирована обработка дерева (березы) — обламывание рекрутом вершины и/или ветви, которая сохранялась украшенная на углу дома до возвращения служивого домой. Практически везде на почитаемых и заветных местах, на многих развилках и перекрестках в лесу или около деревень находились залази, то есть так или иначе обработанные топором или ножом деревья. Более того, обработанные даже там, где существовал строгий запрет на любые действия профанного характера. Я говорю о кладбищах и заветных рощах. Тем не менее, это именно те места, где скорее всего можно встретить залазь. Почему так? А именно потому, что вырубание залази на кладбище или в роще есть обряд, который можно квалифицировать как ритуальное нарушение табуации — общего запрета ничего не трогать, а тем более рубить в священной роще или на кладбище. Функционально такие деревья — медиаторы между человеческим и потусторонним мирами.

Возникает вопрос: откуда такое фронтальное проникновение явлений казалось бы чужой культуры в севернорусскую? И как элементы другой культуры стали

01. Обрезание вершины на мысу Утиннаволок близ Варишпелды. Водлозеро, 2008. **02.** Многократное обрезание вершины. Кладбище на Канострове. Калгалакша. Беломорье, 2009. **03.** Окорение и высушивание вершины на кладбище в Орлово на Лекшмозере. 2009. **04.** Окорение вершины. Туровец Котласского района Архангельской области, 2007. **05.** Окорение осины на Мининском кладбище. Кенозеро, 2011. **06.** Обрубание ветвей. Река Пёза в устье Цемы, 2012. **07.** Обрубание ветвей на кладбище Сольвычегодска, 2007. **08.** Обрубание ветвей. Ошевенск, Каргополье. Ель карсикко на кладбище. **09.** Затес на Пёзском волоке, 2012. **10.** Зарубка-гребень

на краю кладбища дер. Кривцы Пудожского района. 2009. **11.** Врезка в сосне на Утин-наволоке близ дер. Варишпелда. Водлозеро, 2008. **12.** Клеймо на сосне на Пёзском волоке. 2012. **13.** Клеймо на тропе на Большое Выгозеро. Онежский полуостров. Нацпарк Онежское Поморье. **14.** Клеймо на березе в Тихвинской роще в дер. Вершина. Кенозеро, 2009. **15.** Клеймо на затесе. Река Илекса, Пудожский район, 1998. **16.** Косые кресты при входе на кладбище дер. Жилой Ручей. Калакунда Пудожского района, 1998. **17.** Антропоморфное изображение (хуррикас) на развилке тропы на старое кладбище дер. Поньгома. Беломорье, 2005.

практически своими? Казалось бы здесь классический случай заимствования. Однако не все так просто. Я не считал бы, что карсикко-залазь как и многие другие явления культуры охотников и рыболовов на Севере есть элементы другой культуры. И вот почему.

В двухтысячные годы группа физических антропологов из Санкт-Петербурга проводила раскопки на двух хорошо сохранившихся вологодских позднесредневековых кладбищах. Краткие выводы руководителя Валерия Хартановича были таковы:

1. Выявленные на позднесредневековых черепахах из г. Вологды антропологические типы в целом не характерны для русского населения более поздних эпох, в том числе русских Вологодской губернии XVIII — нач. XX вв.

2. Один из отмеченных в составе серии из Паркового переулка морфологических комплексов, сближает часть населения Вологды с финноязычным населением Поволжья — в первую очередь, и Финляндии. Его присутствие на территории Вологодчины может быть связано как с сохранением местных субстратных групп населения, так и с колонизацией Русского Севера древнерусским населением, включавшим в себя значительный финноязычный компонент.

3. Второй антропологический тип, широко распространенный у позднесредневекового населения г. Вологды очень близок к чрезвычайно специфическому комплексу признаков, встречающемуся среди всего современного населения Евразии только у части прибалтийских и пермских финно-угров — карел, ижоры, коми-зырян (*Хартанович и др.* 2011: 30).

А вот мнение другого физического антрополога Ивана Широбокова, также занимавшегося в последние годы изучением севернорусского населения: (цитата из письма): «Анализ признаков дерматоглифики показал, что русские Архангельской области сходны с карельским и русским населением Карелии. При этом вошедшие в состав выборки Архангельской области группы из Малошуйки и Кенозерья демонстрируют близость к карелам и русским Карелии в большей степени, жители Холмогор — в меньшей. Очевидно, что это сходство может быть связано с включением в состав местного населения не только непосредственно карел, но и русских переселенцев с близких территорий, предки которых вступали в контакты с карельским (или генетически близким ему) населением в прошлом. Население Водлозера демонстрирует одновременно сближение и с карельскими и с вепскими группами... Все это выглядит вполне ожидаемо. Когда Валерий Хартанович писал, что у карел сохранился древний краниологический комплекс, известный в Прибалтике еще со времен неолита, и комплекс это такой уникальный, что встречается еще только у коми-зырян, такое заключение требовало согласования с законами популяционной генетики. Большие популяции, занимающие большие территории, с большей вероятностью сохраняют древние черты, чем маленькие, поскольку на облик вторых оказывает влияние дрейф генов. Теперь же мы видим, что характерный для карел комплекс признаков встречается на русском Севере практически везде там, откуда сегодня имеются антропологические данные» (Личный архив автора).

Археолог Н. А. Макаров, обращаясь к теме древнерусской колонизации Севера, пишет о том, что «исследователи по-разному представляли себе конкретное содержание этого процесса». Он выделяет две основные точки зрения. Одна из них, «восходящая к трудам В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, рассматривает колонизацию как проникновение славян в малонаселенный край и становление здесь сети

древнерусских поселений, сначала промысловых, затем земледельческих. Эта точка зрения предполагает взгляд на северные земли... как на в значительной степени пустующие территории... На сложение второй точки зрения», — пишет Макаров, — «большое влияние оказали достижения финно-угорского языкознания, в том числе выявление на Севере пласта гидронимов финно-угорского происхождения. Из этого можно было сделать заключение, что к моменту начала древнерусской колонизации здесь уже существовало многочисленное финское население, а сама колонизация сводилась к установлению власти русских князей над северными территориями» (Макаров 1997: 10).

В этой связи небезынтересно мнение много занимавшегося Севером Европейской России языковеда Янне Саарикиви: «Восточные прибалтийско-финские языки... распространились в прошлом достаточно далеко на восток». Говоря о топонимике Двинского бассейна, а также о бассейнах рек Онега, Вага и др., Саарикиви отмечает: «В диалектах этих регионов встречается множество слов прибалтийско-финского

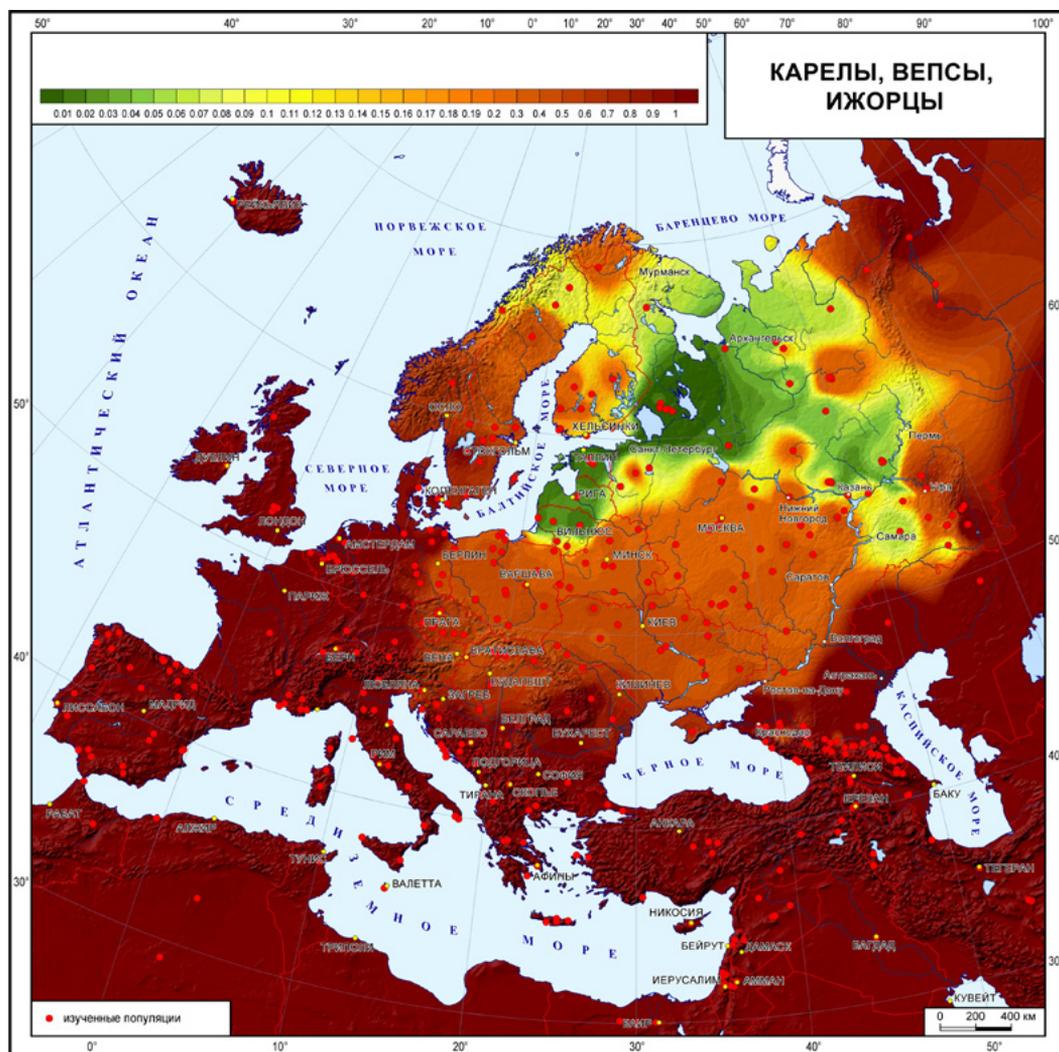

Карта 3. Ареал распространения восточных прибалтийско-финских языков. Саарикиви 2019: 56.

- современный ареал восточных прибалтийско-финских языков
- исторический ареал восточных прибалтийско-финских языков
- предполагаемая историческая прародина прибалтийско-финских языков

происхождения... Количество субстратных топонимов... очень велико и насчитывает несколько десятков тысяч названий. Данный факт может свидетельствовать о существовании на указанных выше территориях значительного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до прихода славян и распространения тут русского языка. Нет сомнения, что основным механизмом русификации в этом регионе была именно мена языка, а не миграция славян» (Саарикиви 2019: 55–56; см. *Карта 3*).

И, наконец, генофонд. Исследования генофонда Европы, выполненные под руководством Олега Балановского, заведующего лабораторией геномной географии Института общей генетики РАН (к сожалению, безвременно ушедшего), дают представление о генетических расстояниях (до ближайших родственников) относительно карел, вепсов и ижоры. Нанесенные на карту показатели дают дополнительную аргументацию для наших выводов (*Карта 4*).

Created 20 Oct 2015 by GeneGeo software. Authors of the map: О.М. Утесова, Е.В. Балановский, С.М. Кошляк, О.П. Балановский

Карта 4. Карта генетических расстояний, составленная О. Балановским.

Таким образом, столь древнее явление как карсикко было, несомненно, известно тому финно-угорскому населению и их потомкам, которое проживало на Русском Севере (судя по раскопкам антропологов в Вологде) по крайней мере вплоть до XV в. Вероятнее всего, на Севере при слабой активности миграционных процессов в течение веков языковая и культурная ассимиляция проходила медленно, а где-то сохранялись целые анклавные субстратной культуры наподобие бассейна реки Кокшеньга (см. напр. *Балашов и др.* 1985: 9–10 и др.). И речь не идет о мифической чуди, а о вполне конкретном населении, потомки которого в виде существующих и поныне карел, коми или финнов Поволжья населяли некогда гораздо более обширные территории. Поэтому неудивительно, что многие субстратные явления культуры воспринимались местным севернорусским населением как свои, ведь, по крайней мере, отчасти таковыми они и были.

Источники и материалы

- Подвысоцкий* 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1885. 198 с.
- ПМА 2007 — материалы экспедиции в Котласский район в 2007 г.
- СПЛСР 2003 — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1: А — И / [ред. Ю. И. Чайкина; зам. ред. С. Н. Смольников]. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2003. 253 с.
- СРНГ 1974 — Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1974. 388 с. (Вып. 1–52. СПб. М.: Наука, 1965–2021).
- СРГК 1995 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2. Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. 448 с. (Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994–2005).
- СГРС 2009 — Словарь говоров Русского Севера. Том IV. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2009. 358 с. (Т. I–VII. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001–2018).

Научная литература

- Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.
- Захарова Е. В.* Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.
- Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Конкка А. П.* Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 286 с.
- Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 386 с.
- Саарикиви Я.* История карельского языка // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 45–56.
- Хартанович В. И., Ширококов И. Г., Пантелеева Т. А.* К проблеме формирования антропологического состава населения Северо-Запада России (По антропологическим материалам из позднесредневековой Вологды) // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 27–31.

References

- Balashov, D. M., Yu. I. Marchenko and N. I. Kalmykova. 1985. *Russkaia svad'ba. Svadebnyi obriad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftiuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)* [Russian Wedding. Wedding Ceremonies on Verhnyaya and Srednyaya Kokshenga and on Uftyuga (Tarnogsky District, Vologda Region)]. Moscow: Izdatel'stvo Sovremennik. 390 p.
- Dmitrieva, S. I. 1988. *Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropeiskogo Severa* [Folklore and Folk Art of the Russians of the European North]. Moscow: Nauka. 240 p.
- Khartanovich, V. I., I. G. Shirobokov and T. A. Panteleeva. 2011. К проблеме формирования антропологического состава населения Северо-Запада России (По антропологическим материалам из позднесредневековой Вologды) [On the Problem of the Formation of the Anthropological Composition of the Population of the North-West of Russia (According to Anthropological Materials from the Late Medieval Vologda)]. In *IX Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov*. 4–8 iyulia 2011 [IX Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Abstracts. Petrozavodsk, July 4–8, 2011]. Petrozavodsk. P. 27–31.
- Konkka, A. 2013. *Karsikko: derev'ia-znaki v obriadakh i verovaniyakh pribaltiisko-finskikh narodov* [Karsikko: Sign Trees in the Rites and Beliefs of the Baltic-Finnish Peoples]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskij Gosudarstvennii Universitet. 286 p.
- Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Belozher'ia i Poonezh'ia* [Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Russia in the XI–XIII Centuries. Based on Materials from Archaeological Sites on the Portages of Belozerye and Poonezhie]. Moscow: Skriptorij. 386 p.
- Saarikivi, Ya. 2019. Istoriiia karel'skogo iazyka [History of the Karelian language]. In *Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Karelia. Historical and Ethnographic Sketches]. Petrozavodsk: Periodika. P. 45–56.
- Zakharova, E. V. 2015. *Integratsiia substratnykh pribaltiisko-finskikh toponimov v russkuiu toposistemu Vostochnogo Obonezh'ia* [Integration of Substrate Baltic-Finnish Toponyms into the Russian Toposystem of Eastern Obonezhye]. Ph.D. abstract. The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.